

Вяткина Ирина Анатольевна

"ФИЛОСОФИЯ ФОНАРЯ" В. А. ЖУКОВСКОГО: К ВОПРОСУ О РУССКО-ФРАНЦУЗСКОЙ ДИГЛОССИИ НАЧАЛА XIX ВЕКА

Статья посвящена изучению роли французского языка для становления и выражения этико-философских взглядов В. А. Жуковского, в частности его так называемой "философии фонаря". При этом французский язык рассматривается как инструмент перевыражения образов и смыслов, сформулированных изначально на русском языке.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2010/2/10.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2010. № 2 (6). С. 40-43. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2010/2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Список литературы

1. Бухарин Н. И. Годовщина славной и трагической смерти // Правда. 1927. 20 июля. № 162.
2. Васильева С. Л. Возможности применения герменевтического подхода и теории системомыследеятельности Г. П. Щедровицкого для описания политического дискурса XX века // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2010. № 1 (5): в 2-х ч. Ч. II. С. 64-70.
3. Васильева С. Л. Метафорическое смыслообразование в политическом дискурсе XX века (на материале русского, английского и французского языков) // Там же. С. 60-64.
4. Громько А. А. О международном положении и внешней политике Советского Союза // Известия. 1968. 27 июня. № 149.
5. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. 312 с.
6. Дилigentский Г. Г. Социально-политическая психология. М.: Наука, 1994. 304 с.
7. Лассан Э. Дискурс власти и инакомыслия в СССР: когнитивно-риторический анализ. Вильнюс: Изд-во Вильнюс. ун-та, 1995. 232 с.
8. Сталин И. В. Отчетный доклад 27-му съезду партии о работе ЦК ВКП(б) 26 января 1934 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://17.by.ru/index.htm>
9. Филинский А. А. Критический анализ политического дискурса предвыборных кампаний 1999-2000 гг.: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тверь, 2002. 15 с.
10. Chaban-Délmás J. Le Discours à L'Assemblée National le 16 Septembre 1969 [Électronique ressource]. URL: <http://electpresidentielle.free.fr/presidentielle2007/DOPMDI05chaban.htm>
11. Jospin L. Le Discours à L'Assemblée National le 19 Juin 1997 [Électronique ressource]. URL: <http://electpresidentielle.free.fr/presidentielle2007/DOPMDI17jospin.htm>
12. Kennedy J. F. Radio and television address to the American people on the nuclear test ban treaty. Washington D.C., July 26, 1963 [Electronic Recourse]. URL: <http://library.nstu.ru/InfoUSA/facts/speeches/rhetoric/archive.htm>
13. Lebrun A. Message du Président de la République (Adresse aux Deux Chambres du Parlement) // Le Temps. 1939. Septembre 4.
14. Nixon R. Vietnamization. November 3, 1969 [Electronic Resource]. URL: <http://library.nstu.ru/InfoUSA/facts/speeches/rhetoric/archive.htm>
15. Roosevelt F. D. The arsenal of democracy. December 29, 1940 [Electronic Resource]. URL: <http://library.nstu.ru/InfoUSA/facts/speeches/rhetoric/archive.htm>

**THE SPECIFICITY OF THE ACTUALIZATION OF THE ARCHETYPICAL CONSTRUCT “OWN-STRANGE”
IN THE POLITICAL DISCOURSE OF THE XXTH CENTURY**

Svetlana Leonidovna Vasilyeva

*Department of Linguistics and Translation Theory
Institute of International Education and Language Communication
National Research Tomsk Polytechnic University
tutok@mail.ru*

The article is the continuation of the interpretation of the problem of the hermeneutic description of the political discourse of the XXth century relying on the constructs presented in the texts with the help of metaphorization means. The author tackles the ways of the language construction of the opposition “We-They” which can be considered as a key one for the political discourse of the XXth century and as the sense basis of the discourse as a whole.

Key words and phrases: political discourse; “We-They” opposition; metaphorization means.

УДК 821.161.1

Статья посвящена изучению роли французского языка для становления и выражения этико-философских взглядов В. А. Жуковского, в частности его так называемой «философии фонаря». При этом французский язык рассматривается как инструмент перевыражения образов и смыслов, сформулированных изначально на русском языке.

Ключевые слова и фразы: В. А. Жуковский; французский язык; эстетика; эпистолярное наследие; двуязычие.

Ирина Анатольевна Вяткина, к. филол. наук
*Кафедра лингвистики и переводоведения
Томский политехнический университет
iviat@rambler.ru*

**«ФИЛОСОФИЯ ФОНАРЯ» В. А. ЖУКОВСКОГО:
К ВОПРОСУ О РУССКО-ФРАНЦУЗСКОЙ ДИГЛОССИИ НАЧАЛА XIX ВЕКА[©]**

Особый интерес современного отечественного литературоведения к проблемам межкультурной коммуникации и рецепции зарубежных литератур русскими писателями способствует актуализации исследовательского внимания к роли французского языка и французской культуры для развития русского литературного языка и словесности начала XIX века.

Факт существования русской литературы на французском языке и французского языка как средства общения в высшем дворянском обществе конца XVIII - начала XIX века объясняется рядом причин. Приблизительно с середины XVIII века Франция заняла ведущее место среди европейских государств, а «французский язык, вытеснив латынь, сделался к этому времени международным языком науки и дипломатии» [3, с. 350].

Русское литературное общество, занятое поисками «метафизического языка», обращалось, в первую очередь, к трудам французских писателей-моралистов и философов, усваивая, таким образом, достижения французской культуры и вводя французский язык в российское культурное сознание. Французский язык и французская культура стали эталоном, примером для подражания. Сама культурная обстановка той эпохи неизбежно вела к ближайшему знакомству с французской интеллектуальной жизнью. Здесь влияло и предшествующее развитие русской литературы, носившее на себе глубокие следы воздействия французских традиций. Здесь сказался и быт русского дворянства, который с екатерининских времен испытывал сильное влияние Франции. В результате этого влияния для многих представителей русского дворянского общества родным языком наравне с русским стал французский, что привело к возникновению ситуации русско-французского двуязычия или диглоссии.

Одним из наиболее репрезентативных проявлений русско-французской диглоссии XIX века является эпистолярный жанр. Для одних литераторов французский язык становится единственным способом эпистолярного общения, а для других, в том числе и для великого русского поэта В. А. Жуковского, служит необходимым средством и материалом в выработке собственного стиля.

В эпистолярном наследии Жуковского достаточно частотны билингвальные вариации одного и того же смысла, первый текстовый вариант которого может быть как французским, так и русским. Именно такова история знаменитого рассуждения поэта о воспоминании, которое он сам именовал «философией фонаря».

Ее первая формулировка на русском языке в письмах-дневниках 1815 г. [2, с. 110-111] отсылает к некоему изначальному прототексту («Я когда-то написал: счастье не состоит из удовольствий простых, но из удовольствий с воспоминаниями»), полный источник которого не обнаружен; в 1819 г. это же самое рассуждение на русском языке перенесено в альбом, подаренный гр. С. А. Самойловой. В том же 1819 году Жуковский посвящает гр. Самойловой стихотворение, в котором есть пассаж, связанный с «философией фонаря» [1, с. 176-177]:

О, ваше сердце верно встретит
Прямую прелесть жизни сей,
И ряд веселых фонарей
Дорогу вашу всю осветит!

В архивах Российской национальной библиотеки недавно найден неопубликованный черновик французского письма Жуковского 1821 г. к неустановленному лицу [4], которым, скорее всего, могла быть императрица Александра Федоровна. В нем рассуждение о воспоминании, изложенное в письмах-дневниках и некоторых стихотворениях, практически полностью переложено на французский язык: поэт не просто формулирует итог своих давних размышлений сначала на русском, а затем на французском языке; он именно переводит свои мысли с одного языка на другой. Доказательством этому служат практически полные лексико-синтаксические и смысловые соответствия обоих текстов:

Дневники 1815 года: счастье не состоит из удовольствий простых, но из удовольствий воспоминаниями <...>.

Набросок письма: Ce n'est pas la suite de jouissances isolées <...> qui constitue notre bonheur ici bas, <...>, c'est la suite des jouissances qui laissent après eux un souvenir pur et moral

Дневники 1815 года: эти удовольствия сравнил я с фонарями, зажженными ночью на улице; между ними есть промежутки, но эти промежутки освещенные и вся улица светла, хотя не вся составлена из света.

Набросок письма: On allume des réverbères pour éclairer la rue - ils sont séparés par des intervalles plus ou moins grands; mais ces intervalles sombres par eux mêmes sont remplis par la clarté qui se répand de réverbères et qui les réunit l'un à l'autre de manière que lorsqu'on est parvenu jusqu'au bout de la rue, on ne voit derrière soi qu'une ligne non interrompue de lumière et l'on ne distingue pas les intervalles.

Дневники 1815 года: Так и счастье жизни. Удовольствие фонарь, зажженный на дороге жизни, воспоминание свет, а счастье ряд этих прекрасных воспоминаний, которые всю жизнь озаряют.

Набросок письма: C'est l'image de notre bonheur ici bas. La jouissance est le réverbère allumé sur le chemin de la vie; le souvenir c'est la clarté répandue autour de ce réverbère; et le bonheur - c'est cette ligne lumineuse qui se présente à nos regards, lorsque nous le jettons en arrière sur le chemin que nous savons passer.

Дневники 1815 года: Надежда пустое слово.

Набросок письма: l'espérance est un mot vide de sens.

Дневники 1815 года: Но что же надежда - беспокойное, иногда сладостное ожидание чего-то в будущем. <...> Оно уничтожает настоящее.

Набросок письма: C'est ce que l'espérance, une attente inquiète et vague qui nous porte dans l'avenir incertaine, qui nous arrache au présent et qui très souvent le gâte

Дневники 1815 года: Милой друг, пользуйся беззаботно настоящей минутой.

Набросок письма: Profitons du présent!

Дневники 1815 года: Зажигай свой фонарь, не заботясь о тех, которые даст Провидение зажечь после.

Набросок письма: Allumons tranquillement notre réverbère sans nous inquiéter de ceux que la providence nous laissera allumer dans l'avenir!

Дневники 1815 года: Переходя от одной хорошей минуты к другой, нечувствительно дойдем до этого предела, за которым верное, прекрасное будущее!

Набросок письма: En passant d'un réverbère à un autre tout aussi éclatant, nous voyagerons dans la lumière; viendra un temps - il faudra s'arrêter!

Дневники 1815 года: <...> в свое время ты оглянешься и за тобою будет прекрасная, светлая дорога!

Набросок письма: Alors en tournant nos regards nous verrons derrière nous un chemin éclairé <...>.

Характерно, что в этом двуязычном мероприятии меняются позиции русского и французского языков - и теперь уже второй начинает служить инструментом перевыражения смыслов и образов первого, причем из русского текста характерно исчезают разговорные интонации (служебные слова) и личный характер мнения, переведенного из субъективной конструкции 1-го лица в 3-е. В сопоставлении с русским текстом дневниковых записей фразеология «философии фонаря», изложенная на французском языке в черновом письме 1821 г., изобилует риторическими фигурами французской литературной прозы: сравнениями, метафорами и антитезами. Этико-философский пафос жизнестроительства, обретая свою французскую вербализацию, свидетельствует об ассоциативной оглядке Жуковского на стиль французских моралистов, в трудах которых русский поэт был весьма основательно начитан.

Ситуация, в которой русский язык предшествует французскому, не характерна для Жуковского. Обычно для стилистического и языкового поиска он выбирает французский язык, богатый на клише и штампы французской литературы, преследуя при этом цель поиска (или создания) русских эквивалентов устойчивых этикетных формул.

В случае с выражением своей философии воспоминания, Жуковский идет другим путем. Создавая свою собственную философию, он выражает ее по-русски в личных дневниках или стихах, посвященных близким людям. Французская же редакция его размышлений носит, прежде всего, несколько дистанцированный, безличный характер (текст не содержит ни имени адресата, ни других отсылок к его личности). При этом поэт интуитивно или намеренно перенимает стиль философского рассуждения, характерного для трудов французских просветителей XVIII века.

Таким образом, автоперевод Жуковским своих ранее написанных текстов стилистически от них отличается: поэт, выбирая французский язык, опирается и на штампы изящного французского языка и на когда-то усвоенные труды французских философов-моралистов, подспудно перенимая их логику и стилистику.

Список литературы

1. Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 2. 840 с.
2. Там же. М.: Языки славянской культуры, 2004. Т. 13. 608 с.
3. Лотман Ю. М. Русская литература на французском языке // Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3 т. Таллинн: Александра, 1992. Т. 2. С. 350-368.
4. Российская национальная библиотека. Ф. 286. Оп. 1. № 4в. Л. 51об.-52 об.

V. A. ZHUKOVSKIY'S "LANTERN PHILOSOPHY": TO THE QUESTION OF THE RUSSIAN-FRENCH DIGLOSSIA AT THE BEGINNING OF THE XIXTH CENTURY**Irina Anatolyevna Vyatkina***Department of Linguistics and Translation Theory
Tomsk Polytechnic University
iviat@rambler.ru*

The article is devoted to the study of the French language role in the formation and expression of V. A. Zhukovskiy's ethical-philosophical views, in particular, his so-called "lantern philosophy". At that the French language is considered as the tool of the re-expression of images and senses initially formulated in the Russian language.

Key words and phrases: V. A. Zhukovskiy; the French language; aesthetics; epistolary heritage; diglossia.

УДК 316.7:124.5:811.111:811.161.1

В статье рассматриваются основные проблемы, связанные с изучением аксиологической деятельности коммуникантов в межкультурной коммуникации, а также вопросы, касающиеся когнитивного основания оценки, особенностей ее специфики и языковой репрезентации. Описание аксиологической деятельности представлено с учетом таких параметров описания оценки как оценочная шкала, нормы, культурные стереотипные представления, различные типы контекста оценки.

Ключевые слова и фразы: межкультурная коммуникация; аксиологическая деятельность коммуникантов; оценочная шкала; языковой и когнитивный контекст оценки; стереотипные представления; основание оценки.

Елена Дмитриевна Гаврилова, к. филол. н.
*Кафедра делового иностранного языка
Белгородский государственный университет
LenLen1@yandex.ru*

ОЦЕНКА В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ[©]

Развитие лингвистической науки в настоящее время неразрывно связано с исследованием специфики менталитета отдельных социальных групп. Важную роль при изучении данных особенностей играет национальный язык. Именно в языке отражается культура народа. В межкультурную коммуникацию вступают представители разных культур. Всем коммуникантам свойственно специфическое видение картины мира, для них характерен определенный набор дискурсивных стратегий. Однако та или иная реализация коммуникативной компетенции всегда является культурно обусловленной. В силу этого окружающая нас действительность в одном акте межкультурной коммуникации может получить принципиально разную интерпретацию. Очевидно, еще более сложной задачей является изучение аксиологической деятельности коммуникантов в межкультурной коммуникации. Это обусловлено наличием не только объективного, но и индивидуального знания коммуниканта. Описание аксиологической деятельности в межкультурной коммуникации требует учета определенных структурных элементов оценки. Цель данной статьи заключается в рассмотрении таких параметров описания оценки как оценочная шкала, нормы, стереотипы, а также контекст оценки.

Оценочная шкала представляет собой один из наиболее сложных элементов оценки и требует более детального ее рассмотрения. Так, существует мнение, что оценка измерима в шкальных значениях. Как показывают исследования, оценочная шкала представляет собой градацию оценочных признаков, отраженную в языке определенными значениями [3].

Являясь одним из структурных элементов оценки, шкала сама по себе представляет весьма сложную структуру, в которой находят отражение две основные стороны оценки - субъективная и объективная. Иначе говоря, шкала учитывает как отношение субъекта к объекту, так и свойства самого объекта.

Как известно, оценочная шкала включает в себя зону положительного и отрицательного (хорошо/плохо). Е. М. Вольф пишет, что на шкале находится целый ряд признаков, которые могут двигаться по нарастающей/убывающей, часто независимо друг от друга [5, с. 48].